

Д.А. Романов

Тульский государственный педагогический университет

имени Л.Н. Толстого

e-mail: kafrus@rambler.ru

УДК 821.161.1

НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В ПОНИМАНИИ Д.А. ГРАНИНА

Ключевые слова: нравственная аксиология, публицистика, национальный характер, историческая база, лексика.

Статья освещает позицию Д.А. Гранина по ключевым нравственным вопросам. На материале одной из ранних публицистических статей писателя «О милосердии» рассматривается его самобытный и разносторонний подход к системе моральных принципов человека. Выявляются специфические формы авторской аргументации, принципы развертывания логических обоснований своей позиции, особенности ее языкового оформления.

Даниил Александрович Гранин принадлежит к числу тех российских писателей, которые на протяжении всего творчества ставили нравственные проблемы в центр своих размышлений. Нравственная аксиология была для него «живым полем», которое с течением времени видоизменялось, наполняясь дополнительными смыслами, оставаясь в основе стабильным и включая стремление к истине, милосердие, порядочность, верность долгу. Гранин прожил огромную жизнь: он был участником Великой Отечественной войны, помнил сталинское время, участвовал в раскрепощении и обновлении общества в 1960-е гг., пережил так называемые «застой» и «перестройку» и полным творческих замыслов вступил в новый век. Конечно, его представления о времени и о человеке менялись, но всегда за ними стояла крепкая нравственная позиция художника, ибо «школа жизни по-настоящему учит быть преданным идее добра и человечности» [7, 108].

Даниил Гранин и Алеся Адамович развили и укрепили новый жанр литературы – документальный роман-хронику. Их «Блокадная книга» до настоящего времени остается единственным в своем роде произведением, непревзойденным по силе художественного воздействия и скрупулезной фактической точности.

В творческом наследии Д.А. Гранина публицистика занимает едва ли не основное место. По воспоминаниям дочери писателя, в конце 1970-х гг. ему «надоело сочинять сюжеты», и он отдал предпочтение «самой жизни», которая, как считал писатель, дает не меньше поводов к размышлению, чем беллетристические повествовательные коллизии [2, 35]. Кроме того, сама жизнь подсказывает наблюдательному писателю большое количество сюжетов. В частности, ни одна статья, ни один очерк, ни одно эссе Гранина не обходится без включения в него повествовательных композиционных

фрагментов. Как правило, эти фрагменты представляют собой эпизоды жизни реальных людей, которые не может создать ни одна, даже самая богатая писательская фантазия.

Период общественного и идеологического слома государства, относящийся к 1985–1990 гг., представляет собой и отдельный этап гранинской литературной журналистики, и водораздел между «традиционным» и «новым» Граниным. В это время «традиционный» Гранин еще находился в плена стиля своих больших романов и повестей, выполняя миссию, возлагавшуюся ранее на писателя советским государством. «Новый» Гранин – это творец, освободившийся, который мог разговаривать обо всем, что видел и знал, касаться любых тем и ставить любые проблемы. Гранин и раньше «... обходился без предвзятых и шаблонных оценок тех или иных явлений, без упрощенных суждений и общих мест и был способен смотреть не только открытыми глазами, но и размышлять над жизнью, не делая поспешных выводов» [4, 80]. Период, начавшийся с 1990-х гг., характеризуется выработкой нового художественно-публицистического стиля Гранина, который станет показательной чертой завершающего этапа его творчества и будет развиваться и совершенствоваться вплоть до 2010-х гг. В это время нравственные ценности станут главной темой его разговоров с читателем.

Одной из первых и «программных» в этом отношении нам видится статья Гранина «О милосердии», опубликованная в 1988 г.

Статья эта примечательна тем, что в ней уже опытный, зрелый писатель подводит определенные итоги и констатирует происходящие изменения, направленные, по его мнению, далеко не в лучшую сторону. С большим художественным мастерством, в четкой языковой форме, отработанной в ходе долгого писательского труда, Гранин ставится ключевые вопросы конца 1980-х гг. и дает на них конкретные ответы. Очерк и статья, как известно, генетически для этого предназначены. Справедливо замечено: «Именно очерк – и особенно привязанный к точному месту, имени, событию – в наибольшей мере утоляет всеобщую жажду знать, что же происходит на самом деле. Вот здесь ударная сила очеркового жанра и жанра статьи» [6, 35].

Рассмотрим те аспекты статьи Гранина «О милосердии», которые связаны с нравственной проблематикой.

Писатель задумывается, почему в определенный момент развития русского народа одной из важных его ценностей стало стремление «пройти мимо, не ввязываться, не тратить времени, сил...» [1, 108], почему принцип «меня это не касается» стал для русского человека 1980-х гг. обычным и привычным. И словно иллюстрируя этот принцип – принцип отторжения – Гранин приводит в пример военное время, когда было невозможно «при виде раненого пройти мимо него». Писатель отмечает: «Из твоей части, из другой – было невозможно, чтобы кто-то отвернулся, сделал вид, что не

заметил. Помогали, тащили на себе, перевязывали, подвозили...» [1, 108]. Здесь возникает целый ряд утвердительных глаголов: *помогать, тащить на себе, перевязывать, подвозить*. Вполне очевидно, что все эти слова имеют семантику активной направленности на другого человека, содействия в удовлетворении его интересов, потребностей и т.д. Именно данное обобщающее значение так необходимо Гранину для воплощения его идеи о межличностном неравнодушии, небезразличии, о «действенном человеческом общежитии».

Писатель рассуждает о жизненных правилах человека, которые, конечно, с полным правом можно назвать чертами его идентичности. Далее писатель обозначает эту идентичность словами, имеющими вполне четкое лексическое значение аксиологического характера – *взаимопомощь* и *взаимообязанность*: «Не берусь называть все причины, отчего ослабло чувство взаимопомощи и взаимообязанности, но, думаю, что во многом это началось с разного рода социальной несправедливости...» [1, 108].

Сравнивая эпохи, писатель отмечает контрасты, с одной стороны, довоенных и послевоенных, с другой – современных представлений о нормальных человеческих взаимоотношениях. Эти контрасты воплощаются лексически в оппозиционных по смыслу словах *отзывчивость и равнодушие, бездушие*. Здесь напрямую внедрен принцип антиномичного представления этических понятий. Семантически *бездущие* – это доведение *равнодушия* до предела, до этической определенности со знаком минус. Такое смысловое «развитие» отмечается в словарях, и оно вполне соответствует той задаче, которуюставил перед собой Гранин-публицист. Действительно, равнодушие весьма легко оборачивается бездущием, на чем и хочет акцентировать наше внимание автор.

Рассматривая причины, по которым *взаимопомощь* и *взаимообязанность* эволюционировали в *равнодушие и бездушие*, Гранин приводит еще несколько ключевых слов, – на этот раз определяющих те разлагающие силы, которые разрушают традиции в понимании лучших нравственных черт: это *ложь, показуха, корысть*. Именно они, по мнению Гранина, вызывают «безразличие к своей работе, потерю всяких запретов», а соответственно, внедрение «бездуховности и равнодушия» [1, 109]. Эти понятия совершенно закономерно попадают в разряд деструктивных нравственных категорий, в чем этическая система, выстраиваемая статьей Гранина, абсолютно соответствует традиционным представлениям о морали.

Гранин, как человек, прошедший к концу 1980-х гг. уже очень большой путь в отечественной литературе и имеющий огромный человеческий опыт, отлично понимает, что центральное место в национальном характере занимают именно моральные качества. При этом Гранин справедливо подчеркивает, что «мораль человека не состоит из изолированных правил жизни» [1, 109]. Мораль – это сплав, синтез многих качеств, которые работают вместе и обуславливают друг друга. По его мнению, именно этот

сплав «сплоченности, взаимовыручки, взаимозаботы, который сохранялся от войны», долгие десятилетия и после нее, поддерживал «дух единства народа» [1, 109].

В логике своих рассуждений Гранин, таким образом, вновь возвращается к определению морально-нравственного идеала человека. И вводит в него еще несколько ключевых понятий: *сплоченность, взаимовыручка, взаимозабота*.

Писательская рефлексия Гранина срабатывает достаточно четко и почти автоматически: он отлично понимает, что «обильные разговоры о нравственности носят слишком общий характер», а нравственность состоит из конкретных вещей – «из определенных чувств, свойств, понятий» [1, 109]. Их Гранин в своей статье пытается точно определить лексическими средствами, возвести в ранг нравственных категорий и проиллюстрировать с помощью реальных жизненных примеров.

В дальнейших своих рассуждениях писатель делает ключевым словом *милосердие*. Писатель с сожалением констатирует, что милосердие ушло на периферию ценностей русского человека. Само слово стало почти устарелым, как и многие понятия, связанные с ним (*сестра милосердия, брат милосердия, улица Милосердия* в Санкт-Петербурге и т.д.). С иронией Гранин говорит о том, что улицу Милосердия вблизи Аптекарского острова переименовали в улицу Текстилей. В дальнейшем он не раз вернется к ставшей для него эпитетом лексикографической помете «устар.».

По мнению Гранина, «изъять милосердие – значит лишить человека одного из важнейших проявлений нравственности» [1, 110]. К сожалению, эта черта стремительно исчезает, несмотря на то что она вроде бы генетически свойственна любому живому существу. Писатель размышляет над причинами девальвации понятия *милосердие*. Используя традиционный и для его стиля, и для моральной публицистики в целом принцип обращения к прошлому, автор говорит об «упражнении в милосердии»: как это ни странно звучит, милосердие нуждается в постоянной тренировке. Здесь он вспоминает своего отца, который в послевоенное время не мог пройти мимо просящих подаяния, чтобы не дать им хотя бы копейки. Свой пример он заключает выводом: «Как теперь я понимаю, это была практика милосердия, то необходимое упражнение в милосердии, без которого это чувство не может жить» [1, 111].

Публицистика Гранина – это публицистика писательская, а потому она сопровождается отточенными в языковом и идейном плане жизненными примерами. Для Гранина такие примеры относятся ко времени его детства, военной молодости, восстановления страны в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Вполне естественно, что в композиционном развертывании своей статьи Гранин от постановки вопросов через примеры приходит к констатации определенных истин. Они, как положено любым истинам,

выражаются стилем высоким, книжным. Так, размышление о милосердии Гранин завершает фразой, возводящей милосердие в ранг показателя «уровня общественной гуманности» [1, 112].

Как любой публицист, ставящий важные мировоззренческие проблемы, Гранин постоянно балансирует между частным и общим, личностным и общественным, показывая, что индивидуальные ценности складывают ценности общественные, а черты национальной идентичности обязательно проявляются в поведении каждого конкретного представителя данного этноса. Народ в статье Гранина представлен и как некая целостность, и как совокупность индивидуальных лиц. Приводя в пример важнейшие общественные события 1980-х гг. (ликвидацию аварии на Чернобыльской АЭС, восстановление разрушенных землетрясением городов Грузии, строительство БАМа и т.д.), автор возвращается к тем ценностям, которые должны быть в сознании каждой личности. Именно это и нужно обществу: «нужны те, кто сможет утешать страждущих, поднимать павших духом, исцелять...» [1, 113].

Гранин вполне закономерно в ходе своих размышлений приходит к важности понимания пушкинских строк – «милость к падшим призывал». Русская литература учила, как замечает Гранин, любить и жалеть человека, видеть в нем лучшие качества, уважать его. Публицист отмечает: «В течение девятнадцатого века русские писатели призывают видеть в забитом, ничтожнейшем чиновнике четырнадцатого класса, как станционный смотритель, человека с душой благородной, достойной любви и уважения. Пушкинский завет милость к падшим пронизывает творчество Гоголя и Тургенева, Некрасова и Достоевского, Толстого и Короленко, Чехова и Лескова» [1, 113]. Совершенно справедливо, что «вековая борьба русской литературы за собственное достоинство человека была не чем иным, как стремлением всегда и во всем проявлять человечность» [5, 451].

Литература своим авторитетом меняла общество. Гранин совершенно справедливо замечает, что к национальным ценностям добавлялись и те, которые привносились через наших писателей, публицистов, общественных деятелей из зарубежного опыта. Гранин специально не пишет о французском влиянии, но зато употребляет так значимые для французов слова *равенство, свобода и братство*, которые, по его мнению, вошли и в аксиологическую систему России: «Социальные преобразования нового строя, казалось, создадут всеобщее царство равенства, свободы и братства счастливых рядовых людей» [1, 114]. Девиз Великой французской революции *Liberté, égalité, fraternité* стал девизом и русской революции.

Особую эмоциональную наполненность имеет композиционный фрагмент гранинской статьи, посвященной книге Джеймса Хэрриота

«О всех созданиях – больших и малых». Ее автор, английский ветеринарный врач, особенно близок Гранину тем, что рассказывает о конкретном, действенном милосердии. «Главное в этой книге – горячее чувство сострадания ко всему живому», – пишет Гринин. Доброе отношение к ближнему предполагает интерес к нему, возможность почувствовать и понять то, что чувствует и думает другой человек. Английский автор дает Гранину возможность видеть и в русском национальном характере – способность понять другого. Гринин замечает: «Любовь рождает наблюдательность и взаимопонимание» [1, 115].

При этом важно, по мнению писателя, возвращаться иногда к тем достижениям, которые в силу каких-то причин были отвергнуты общественной практикой. В частности, распространенная в конце XIX – начале XX в. в русском обществе филантропия, как считает Гринин, была незаслуженно забытой ценностью.

Гринин справедливо пишет о том, что деятельное участие в судьбе других людей, если они в таком участии нуждаются, крайне необходимо. В качестве примера писатель приводит созданный в конце 1980-х гг. Фонд культуры. Из лексических определений этой черты национальной идентичности, с нашей точки зрения, особенно удачным является *добротворство*. Гринин воскрешает это «старое» слово, внутренняя форма которого с максимальной точностью характеризует добродетельную сторону личности русского человека. В.И. Даль определяет *добротворство* как «благотворение, благотворность» и дает к нему целый «куст» кодериватов, которые были актуальны для второй половины XIX века: *благотворение, благотворность, добротворитель, добротворительный, добротворчивый* и др. [3, т. 1, 1105].

Бросая ретроспективный взгляд на русскую историю и исследуя эволюцию морально-этических понятий в советское и постсоветское время, Гринин в статье «О милосердии» отмечает, что основной задачей его современников является «стремление растревожить совесть, чтобы лечить глухоту души» [1, 117]. Этот процесс должен сопровождаться не только возвращением, «оживлением» многих устарелых или ушедших в пассивный запас слов, но и изменением самого человека.

Литература

1. Гринин, Д.А. О милосердии / Д.А. Гринин // Если по совести. Сборник статей. – М.: Художественная литература, 1988. – С. 107–117.
2. Гринина, М.Д. Новый стиль Гринина / М.Д. Гринина // Страницы одной жизни. Сборник воспоминаний о Данииле Гринине. – СПб.: Фонтанка, 2019. – С. 34–48.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В.И. Даль. – М., СПб.: Товарищество М.О. Вольф, 1903.
4. Дементьев, А.Г. Реализм и современная литература / А.Г. Дементьев, М.М. Кузнецов // История русской советской литературы. В 4 т. Т. 4. – М.: Наука, 1971. – С. 5–148.
5. Дьяков, Б.А. Пережитое / Б.А. Дьяков. – М.: Советская Россия, 1987. – 735 с.
6. Зверев, И.Ю. Разговор идет о рассказе... / И.Ю. Зверев // Зверев И.Ю. Защитник Седов. Повести, рассказы, публицистика. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 30–37.
7. Полевой, Б.Н. Силуэты / Б.Н. Полевой. – М.: Советский писатель, 1978. – 496 с.

D.A. Romanov

Tula L.N. Tolstoy State Pedagogical University

e-mail: kafrus@rambler.ru

Moral values in the understanding of D.A. Granin

Key words: moral axiology, journalism, national character, historical background, vocabulary.

The article highlights the position of D.A. Granin on key moral issues. Based on the material of one of the writer's early journalistic articles, «On Mercy» his original and versatile approach to the system of human moral principles is examined. Specific forms of the author's argumentation, principles for developing logical justifications for his position, and features of its linguistic design are identified.

Г.К. Семянькова

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава

e-mail: galina.semenkova@mail.ru

УДК [811.161.1'373.215+811.161.3'373.215]:81'37(476.5)

НЕАФІЦІЙНЫЯ НАЗВЫ ВОДНЫХ АБ’ЕКТАЎ НА ТЭРЫТОРЫІ ВІЦЕБСКАЙ ВОБЛАСЦІ

Ключавыя слова: онім, мікратапонім, мікратапанімія, семантыка, балота.

У артыкуле разглядаецца семантыка назваў водных аб’ектаў, што фіксуюцца на тэрыторыі Віцебскай вобласці.

Апісваюцца найменні з прыналежнымі прыметнікамі, утворанымі ад уласных імён; назвы, звязаныя з харектарыстыкай глебы і спецыфікай выкарыстання тэрыторый; мікратапонімы, якія апісваюць асаблівасць флоры і фаўны балот; найменні, што змянчаюць харектарыстыку колеру вады, і інші.

Папярэднія назіранні сведчаць аб тым, што прыметнік “чортай” шырокая выкарыстоўваецца ў неафіційнай мікратапаніміі Віцебшчыны ў назвах не толькі балот, але і іншых аб’ектаў – маствоў, камянёў.

Як вядома, на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь балоты займаюць сёму частку ўсёй плошчы краіны. У Беларусі пад балотамі знаходзіцца каля 25 000 кв. км плошчы, што складае больш за 14% ад тэрыторыі ўсёй краіны [2]. Відавочна, што балоты з’яўляюцца адным з найважнейшых аб’ектаў рэальнасці для насельніцтва: асушаныя балоты становяцца землямі сельскагаспадарчага, ляснога, прамысловага выкарыстання, торф з балот ужываецца як паліва, угнаенне, падсцілка для хатняй жывёлы, дары